

Елизавета Дворецкая

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

ЗМЕЙ НА ЛЕЗВИИ

Москва

♦ ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ: ♦

КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Невеста из чащи
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Наследница Вещего Олега
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Пламя Босфора
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Зимний престол
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ведьмины камни
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Волки Карачуна
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Стрела разящая
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Огненные птицы
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Сокол над лесами
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две жены для Святослава
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Львы Золотого царства
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ключи судьбы
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две зари
•
МАЛУША. За краем Окольного
•
МАЛУША. Пламя северных вод
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Клинок трех царств
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Змей на лезвии

Елизавета Дворецкая

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

ЗМЕЙ НА ЛЕЗВИИ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на переплете *Нисмианы*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Княгиня Ольга. Змей на лезвии / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-215539-0

Северная Русь, 963 год.

Улеб, сводный брат князя Святослава, найден убитым на берегу Волхова, и никто не знает, что произошло. В ту же ночь исчезают семеро приближенных Святослава, его гриди, выросшие вместе с ним. Бер, двоюродный брат Улеба, берет на себя долг мести и пускается на поиски предполагаемых убийц. Его сопровождает молодая вдова Улеба, Правена, единственная в этих краях знающая их в лицо. Поначалу Бер думает, что ему придется искать мести лишь вопреки воле Святослава, которому дружинное братство дороже кровного родства. Постепенно выясняется, что сам Один на стороне убийц и борьба с ним не по плечу обычному человеку. Но, как видно, не случайно к мстителям присоединился Вальгест — загадочный «человек Одина», опытный воин, умеющий находить невидимый след и противостоять даже воле Всеотца и его посланникам-валькириям.

Продолжение романа «Княгиня Ольга. Клинок трех царств».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215539-0 © Дворецкая Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Часть первая

Глава 1

Дней через пять после похорон Улеба госпожа Сванхейд собралась с силами, чтобы побывать на месте гибели внука. Все эти дни она была слаба и подолгу лежала в постели; достоинство женщины королевского рода, с детства привыкшей обуздывать свои чувства, помогало ей хранить внешнее спокойствие, и никто даже из домочадцев не видел ее плачущей, но это спокойствие пугало. «Лучше бы она причитала, как все бабы! — говорила ее правнучка, Мальфрид, своему дяде Беру, который Сванхейд приходился внуком, хотя был старше Мальфрид всего на три года. — Когда причитают, горе наружу выходит, со слезами утекает, живых и мертвых разделяет. А она так спокойна, как будто и себя видит уже *там*». Бер только кивал в ответ, согнув рот скобкой. И тут же стискивал зубы в ярости на тех, кто отнял жизнь у его двоюродного брата Улеба, а тем самым, быть может, оборвал и тонкую нить их общей бабки. Госпоже Сванхейд за семьдесят — мало кто доживает до таких лет, и домочадцы опасались, как бы горе и потрясение ее не убили.

До поляны на берегу Волхова от Хольмгарда было около версты, и госпожу Сванхейд повезли на лодке. Из жилья рядом стояла только землянка бобыля-рыбака Хмуры, похожая на нору. Мостки возле нее, поврежденные ледоходом, наполовину обрушились и затонули. Лодку подвели прямо к берегу, а там Свен, десятский, взял госпожу на руки и осторожно перенес на берег. В молодости Сванхейд была высокой, крепко сбитой женщиной, хотя и не полной, а теперь, казалось, почти ничего не весила, сделалась сухой и легкой, словно крыло бабочки.

Вслед за Сванхейд лодку покинула Мальфрид, и Лют Свенльдич таким же образом перенес ее на сушу. Без спешки ставя ее наземь в трех шагах от воды, слегка сжал ей бедро. Они оба росли на старом Свенельдовом дворе и знали друг друга много лет, с тех пор как Малфа была девочкой; Лют несколько лет ее не видел, и с тех пор она сильно переменилась. Никак не мог привыкнуть, что эта цветущая женщина восемнадцати лет, полногрудая, пышнобедрая, с белой кожей и ярким румянцем, с округлым мягким животом, воплощение молодой плодовитости, получилась из тощей, большеглазой, пронирыливой девчонки, что гремела ключами в клетях княгини Эльги.

— Экая ты стала... увесистая, — шепнул он, и в этом слове явно звучало одобрение.

В былые времена у Люта не было случаев носить Малфу на руках, но сейчас он нашел это очень приятным.

Мальфрид, оправляя подол белого платья, чуть слышно хмыкнула: ей было не привыкать, что один ее вид наводит мужчин на игривые мысли.

— Постыдился бы! — с насмешливым укором шепнула она ему в ухо, почти касаясь губами светло-русых волос, слегка вьющихся на концах.

Тридцать лет, три жены и полтора десятка детей — казалось бы, не к лицу такому человеку распускать руки!

— Я стыжусь! — так же ответил Лют, в эти мгновения необычайно напоминая своего старшего брата не только чертами, но и выражением лица.

Вторая пара на поляне, не в пример этим двоим, отличалась печальной сдержанностью. Бер, как Лют и Малфа, был в белой одежде, Сванхейд — в синей; оттенки синего она предпочитала со времен своего вдовства, а после смерти Ингвара уже тринадцать лет не надевала ничего другого. Опираясь одной рукой на клюку, а другой на внука, госпожа Сванхейд медленно направилась по едва заметной тропинке к ивам. Один из толстых стволов лежал на земле, образуя нечто вроде скамьи. Бер подумал, что бабушка хочет там присесть и отдохнуть, и кивнул Ите, ее служанке, что шла позади с большой подушкой в руках. И невольно содрогнулся: они же сейчас, шаг за шагом, повторяли последние шаги Улеба по земле. Свидетелей

его смерти в Хольмгарде не осталось, но легко было догадаться: он с двумя телохранителями высадился там же, у мостков, по этой же тропке прошел шагов двадцать к ивам, где ждали его убийцы — те, с кем он вырос, кого считал названными братьями, кому доверял. Он знал, что они не питают к нему любви, знал, что мешает своему сводному брату Святославу безраздельно властвовать на всем протяжении от Варяжского моря до Греческого, но все же не мог предположить, что они надумают отнять его жизнь.

— Покажи мне — где? — На полдороге Сванхейд остановилась. — Где он лежал?

— Вон там. — Бер показал на клочок песчаного берега, выделявшийся поломанными, истоптанными камышами. — В воде.

Сванхейд направилась туда и остановилась в шаге от воды. Здесь росла ива, опустившая ветки в реку — тоже поломанные. Старая госпожа пошарила глазами по песку, по мелкой траве, но больше никаких следов не нашла. Вода давно выгладила песок и унесла кровь. Когда Бер, еще ничего не зная, на первой заре отправился искать Улеба, весь этот кусок берега еще покрывали следы, а вода близ камыша была мутной. Тело лежало под ветками ивы — наполовину в воде. Обломок прута был зажат у мертвеца в кулаке — Улеб полубессознательно цеплялся за ветки, когда падал.

Малфа остановилась с другой стороны от Сванхейд, тоже глядя в воду у берега, — туда, где великий Волхов принял Улебову душу. Лют тем временем прошелся по поляне у них за спиной. Он с тех пор побывал здесь уже не раз и был рад увидеть, что следы крови, в то жуткое утро густо пятнавшие землю, исчезли. В тот светлый вечер, за три дня до самой короткой в году ночи, сюда пришло восемь либо десять человек, и не менее четверых рассталось с жизнью. Погиб Улеб и оба его телохранителя — их тела здесь и нашли. Из противников не обнаружили никого, но большие пятна крови говорили, что кто-то из них тоже не ушел своими ногами.

Отвернувшись от ивы, Сванхейд тронулась дальше и присела на лежащий ствол, куда Ита уже положила подушку. Бер и Малфа уселись по бокам, остальные прохаживались по поля-

не. Только Сванхейд и Малфа попали сюда впервые, мужчины уже все это видели и ничего нового найти не ожидали. Еще в то утро, когда подняли тела, опытные и зоркие люди облазили всю поляну, надеясь отыскать хоть какую-то подсказку, указание на убийц. Кто это был? Во что им обошлось это дело? А главное, где их теперь искать?

Было точно известно, что смерть пришла к Улебу из круга ближайших к князю Святославу гридей под началом Игмора, Гримкелева сына. После той ночи семеро из них исчезли бесследно: Игмор, его младшие братья Добровой и Грим, их зятья Красен и Агмунд, а еще двое сыновей боярских из Киева: Градимир и Девята. Градимир из всех был самым старшим — тридцать три или тридцать четыре года, и он же был наиболее родовитым; младшим был двадцатитрехлетний Девята. Сколько и кто из них жив — неизвестно. Куда они подались той же ночью после своего злого дела — неизвестно, в княжьей дружине их больше никто не видел. Лют и Бер сразу же разослали отряды на север, к Ладоге, и на юг — к Ловати, считая это наиболее вероятными направлениями для бегства, но в тех краях никто похожих людей не приметил. А ведь шла пора самых долгих светлых дней в этих северных краях; настоящая тьма наступала только в середине ночи, и то ненадолго, за это время далеко не уйдешь.

Мысли Сванхейд, как и мужчин, были сосредоточены на поиске убийц.

— Была бы здесь Снефрид.. — пробормотала она и вздохнула. — Снефрид Серебряный Взор... Никто из вас ее не знал, а это была женщина удивительной мудрости. В Северных Странах таких называют «всеискусными женами». Она умела.. — Сванхейд еще раз вздохнула. — Чего она только не умела. Она была вирд-коной Ингвара..

У Сванхейд пресекся голос: она вспомнила, что ее сын — отец Улеба — принял точно такую же смерть, от рук коварных убийц, подстерегших его в засаде, и сражался по пояс в воде, пока не пал под множеством смертельных ударов. Некоторое время она молчала, пораженная новым ужасом.

— Уж не проклятье ли это? — заговорила она снова, глядя перед собой, но не видя ни зеленой травы, ни песка, ни широ-

ченной синей глади Волхова в мелких светлых бликах. — Ингвар и его сын погибли одинаковой смертью... Неужели... старая хрычовка не сказала всего и мы нашли не все ее поклады?¹

— О чем ты, госпожа? — с тревогой спросила Мальфрид.

— Когда-то очень давно, пока твоя бабка Мальфрид была маленькой, нам подкинули поклад, из-за него у меня три сына умерли маленькими. Тогда его сумели найти, родился Ингвар... он вырос, оставил сыновей... И вот такое страшное дело... — Сванхейд замолчала, погружаясь в воспоминания, потом слегка покачала головой: — Но это было чуть ли не пятьдесят лет назад! И Тихонравы давным-давно нет. Теперь никто уже не знает правды. Но и Святославу стоило бы задуматься...

— Если он сейчас не сделает того, что должен сделать, ему уж точно не стоит ждать добра от будущего, — со сдержанной досадой сказал Бер. — Надо бы сказать ему об этом.

— Но он же поклялся на мече, что непричастен, — заметила Малфа. — Над могилой...

— Он поклялся, что не посылал этих ублюдков убивать своего брата. Ладно. В это я верю. Но он вовсе не клялся им отомстить. Да, Лют, ты заметил?

Лют молча кивнул, слегка прищурившись. До этого лета они с Бером не знали друг друга, но гибель Улеба и сознание общего долга в несколько дней сделали их друзьями. Бер приходился Улебу двоюродным братом по родному отцу, князю Ингвару, а Лют был младшим братом Улебова названного отца, Мстислава Свенельдича. Кровного родства, как выяснилось всего пять лет назад, у Мистины и Люта с Улебом не было, тем не менее в ряду законных мстителей они занимали первые места. Наряду с самим князем, конечно.

— Пусть он и не приказывал, — с той же непримиримостью продолжал Бер. — Но он был рад, что они избавили его от соперника. Он не собирается их искать и наказывать. Если мы этого не сделаем — никто не сделает.

¹ Поклад — некий предмет (кость, яичная скорлупа, сушеная лягушка и так далее), наделенный магическими функциями: его заговаривают на порчу и подкидывают в дом жертве, закапывают на дворе, прячут как-то еще. (Здесь и далее — примечания автора.)

— Госпожа передала право мести мне. — Лют, бесцельно бродивший по поляне, остановился перед ними и положил руки на пояс. — И я сделаю все, что только возможно. Когда Мистина узнает... Он-то придумает, как их найти. От него они в Кошечевом Подземье не скроются!

Никто не возразил, на лице Малфы отразилось понимание. Сванхейд снова покачала головой. Мистина — в Киеве. Пройдет месяц с лишним, пока он узнает о смерти своего приемного сына. Его участие в деле, каким бы оно ни было, потребует немало времени, а следы стынут с каждым днем.

— Я потому и вспомнила о Снефрид, — опять заговорила Сванхейд. — Если бы она была здесь, она могла бы спросить своих духов. У нее были сильные покровители возле Источника Урд и близ самого Одинова престола. Но ее давно нет в живых... и я не знаю, передала ли она кому-то свое искусство и свой жезл вёльвы. Я могла бы попробовать сама... но... — Она перевела дух и опять вздохнула: — Боюсь, мне этого не пережить.

— Если говорить о духах, то мы найдем кого спросить. — Бер наклонился вперед, опираясь локтями о колени, чтобы взглянуть на Мальфрид, сидящую с другого бока от бабушки. — А, Малфа? У тебя же есть приятели среди мудрых волхвов? Может, переведаться с ними? Неужели откажутся помочь в таком деле?

— Я не знаю! — с досадой ответила Мальфрид. — Может, они теперь и смотреть-то на меня не захотят... никогда! И все из-за...

— И все из-за моего отважного брата Святослава, чтоб его тро... — начал Бер, но с усилием заставил себя замолчать.

Его смутная неприязнь к двоюродному брату — князю Киева и владыке Хольмгарда — за последние дни перешла в почти открытую ненависть, но все же он не мог вслух послать к троллям посредника между русью и богами. Хотя, честно говоря, очень хотел.

— Если здешние волхвы и правда чего-то стоят, давай попросим их. — Лют взглянул на Бера. — Может, хоть что-нибудь прояснится.

— С этого мы и начнем, — сказала Сванхейд.

Голос ее слегка дрожал и звучал слабо, но это была лишь телесная слабость. Дух ее оставался крепок, и внуки, водившие ее под руки, и не думали смотреть на нее как на немощную старуху. Это по-прежнему была госпожа Сванхейд — женщина из королевского рода Бьёрна Железнобокого, более полувека бывшая владычицей Хольмгарда и всех Гардов.

— Пусть Дедич или Ведогость поговорят с духами. — Сванхейд взглянула на Бера: — Позови их ко мне, я сама с ними потолкую. Если же они откажутся, возможно, тебе, Берси, придется съездить кое-куда подальше.

— Я все сделаю! Поеду хоть до Утгарда!

Сванхейд назвала внука Берси, Медвежонок, — это было его самое раннее детское прозвище, полученное двадцать лет назад, когда он только учился ходить. Настоящее его имя было Берислав — в честь матери, происходившей из рода псковских князей. То, что бабушка вспомнила времена его младенчества, показывало, как глубоко погрузилась она в прошлое в поисках средства от нынешней беды.

Детское прозвище Бера забылось после смерти его матери; на медведя он ничуть не походил. Крепкий, соразмерно сложенный парень чуть выше среднего роста, с широкой грудью и крепкой шеей, он был силен и ловок, хорошо владел оружием, хоть и не имел пока случая применять эти умения на поле боя. Продолговатое лицо с угловатой нижней челюстью и тяжелым подбородком, крючковатый ястребиный нос не давали ему считаться красавцем, хотя если приглядеться к сероглазым глазам, на ярком свете отливавшим в синеву, высокому широкому лбу и светлым, золотистым, мягкой волной лежащим волосам, завивающимся на концах, то впечатление некрасивости сглаживалось. Лучше всего помогало то, что сам Бер никогда не беспокоился о своей внешности, а его ум, уверенность, дружелюбие, общительность, чувство справедливости и умение оказывать людям уважение, не забывая о королевском достоинстве своего рода, принесли ему всеобщее расположение. С отрочества он был почти единственным родичем Сванхейд, жившим с ней в одном доме, и бабушка привыкла находить в нем надежную опору в своих заботах. А он, подрастая при ней, привык считать себя хранителем достоинства

древнего рода — и тех ценностей, что можно потрогать, и тех, что живут в душе и определяют удачу.

Знаком Сванхейд показала, что хочет встать; Бер и Малфа с двух сторон подхватили ее под локти и подняли. Малфа подала ей клюку, и Сванхейд медленно приблизилась к клочку песка близ обломанных камышей. Еще немного постояла, глядя в мелкую воду и мысленно рисуя себе тело лучшего, быть может, из ее многочисленных внуков.

— На этом месте, где отлетела душа... — начала она. — Его душа, моего внука, Улеба, сына Ингвара... я, Сванхейд, дочь Олава, говорю, и пусть меня слышат боги... Сколько ни осталось у меня сил — я отдам их все ради мести, чтобы мой внук смог родиться вновь и удача нашего рода не оказалась утрачена. Мои желания привели его к смерти...

— Не говори так! — пылко перебил бабушку Бер. — Ты не должна винить себя. Ты хотела сделать его князем в Хольмгарде. Смерти его пожелал кое-кто другой!

Сванхейд слегка кивнула и добавила:

— А когда наш долг будет исполнен, пусть Фрейя возьмет меня к себе.

Бер и Малфа тихонько вздохнули. Такие женщины, как Сванхейд, не попадают в Хель — в своих резных повозках или погребальных кораблях они отплывают по воздушному морю прямо в Асгард, в чертоги славнейшей из богинь.

* * *

Доставив бабушку домой, в Хольмгард, Бер и Лют вернулись в ту же лодку и отправились в Перынь. Плыть было недалеко — мыс на другом берегу Волхова был виден из Хольмгарда. Словенское святилище лежало точно между озером Ильмень и Волховом, вытекавшим из него. Волхов здесь был так широк, что дальний правый берег почти терялся вдали, заслоненный зелеными островами. На низком берегу корни ив тянулись по песку почти до серых и бурых камней в прозрачной воде. Высадившись на мостки, Бер и Лют пошли по широкой тропе на возвышенную часть мыса, через заросли сосны, черемухи и рябины. Миновали площадку святилища — самое высокое место бере-

га, где стояла сопка с деревянным идолом Ящера, — и двинулись по тропе, усыпанной сосновыми шишками, дальше вдоль берега, через лес.

Ближе к краю мыса стояло несколько избушек, где жили волхвы. Дедича гости застали за делами по хозяйству; в простой серой рубахе, без оберегов и посоха, он был похож на любого из мужиков лет тридцати с небольшим. Однако необычное сочетание красок — русые волосы, густые черные брови и рыжая борода, а еще пристальный, острый взгляд ярких голубых глаз, легонько колющий прямо в душу, вызывая дрожь, давал знать, что человек это не простой.

— Да я и сам хотел посмотреть, что там, — сказал он, выслушав, с чем к нему приехали от Сванхейд. — Три тела подняли, троих мы похоронили, проводили, как полагается. Но коли их там больше было — остальные мертвяки шалить могут. А скоро жатва — испортят нам хлеб, голодными останемся. Давай сочтем — нынче который день? — Он взглянул на небо, хотя в разгар дня месяца не увидишь.

Втроем посчитали, что убийство случилось восемь ночей назад.

— На девятую ночь приеду, — пообещал Дедич. — Попробую вызвать — не отзовется ли кто.

— А если никто не отзовется? — спросил Бер.

— Оно и к лучшему. Нам тут мрецы¹ не нужны. И для людей худо, и для князя нашего будущего тоже доброго ничего нет.

После того как Улеба, которого и Сванхейд, и словене хотели видеть новым своим князем, убили люди Святослава, о том, чтобы Святославу здесь править, речи больше не шло. Сошлись на том, что Святослав и словене признают здешним владыкой его сына от Мальфрид — мальчика неполных двух лет. Для того Святослав должен был дать ему княжеское имя и объявить наследником здешних прав и владений, и сейчас шли долгие совещания старейшин об этом деле и всех его условиях. Беру и Люту будущий князь приходился родичем, да и Дедич был ему не чужой, но об этом он с внуком Сванхейд говорить не хотел.

¹ Мрец — ходячий мертвец.

— Тебе что-то нужно? — спросил Лют. — Для жертвы, может?

— Кровавую жертву не буду приносить — если есть там кто худо умерший, от крови они вовсе ошалеют и меня того гляди загрызут. Пусть Свандра или... — Дедич запнулся, но все же сказал: — Малфа блинов испекут, каши сварят и киселя сделают... Да они и так сделают — девятый день же будет.

На третий день умерших поминали у могилы, еще дважды — на девятый день и двенадцатый — это полагалось делать дома.

— Ты на поминальный стол к нам придешь? — спросил Бер.

— Коли пригласите... так приду.

Дедич старался держаться невозмутимо, но Бер угадывал в нем тайное сомнение — и волнение.

— От имени бабки моей, госпожи Свандры, и всего дома нашего приглашаю, — Бер поклонился, — пожалуй к нам отпраздновать стол¹ на девятый день, батюшка.

Дедич слегка хмыкнул, но благосклонно кивнул:

— Пожалую, коли просите.

С тем родичи и отбыли назад в Хольмгард. Кровного родства между Лютом и Бером не было, но оба они состояли в довольно близком родстве с покойным Улебом и теперь, занятые улаживанием его посмертных дел, стали считать друг друга за братьев. Оба невозмутимо гребли и думали, глядя в синие волны могучей реки, об одном и том же: из того громадного дела, что им предстояло, они сегодня делают первый маленький не шажочек даже, а приступ к шажочку. И сколько их еще будет впереди, пока они смогут с чистой совестью обратиться к духу Улеба: мы отомстили за тебя, отныне тебе открыта дорога для возвращения в белый свет! Ведь тот, кто злодейски погублен и не отомщен, возродиться в потомстве не сможет, а вместе с тем от общей удачи рода будет оторван кусок. Чтобы сохранить в целостности родовую долю, не дать ей уменьшиться — ничего не жаль. Поэтому месть — непременная обязанность свободного человека, ради мести не жалеют жизни и преследуют эту цель, бывает, по многу лет, лишь бы не ослабить свой род, не опорочить его прошлое и не подрубить будущее. День за днем,

¹ Отправить стол (за какой-то срок) — справить поминки.